

МРНТИ 10.87.68

Научная статья

<https://doi.org/10.32523/2616-6844-2024-148-3-55-74>

Ответственность в контексте применения искусственного интеллекта в условиях вооруженных конфликтов

А.М. Хасанай*¹, А. Абылайулы¹

¹АО Университет «КАЗГЮУ имени М.С. Нарикбаева»

(E-mail: ¹alikhhan.massatuly@gmail.com, ²a_abylaiuly@kazguu.kz)

Аннотация: Актуальность проведения исследования обусловлена тем, что вследствие развития военных технологий, их использование становится угрозой для национальной и международной безопасности, в связи с чем существует высокий риск нарушения норм международного права. Исходя из этого, цель статьи состоит в проведении анализа законодательной доктрины в контексте применения искусственного интеллекта в условиях вооруженных конфликтов. Для этого были использованы такие методы, как логический анализ, функциональный анализ, дедукции, индукции, формально-юридический, догматический и другие. В ходе проведения исследования была изучена законодательная доктрина Казахстана, которая включала в себя проведение анализа положения Конституции, Постановления и решения Конституционного Суда. Также проведен анализ международных нормативно-правовых актов, включая Конвенцию о запрещении определенных видов оружия, Женевскую Конвенцию и ее Дополнительные протоколы, с акцентом на выявление нарушений и применение принципов международного права для оценки противоправных действий в вооруженных конфликтах. Особое внимание уделено определению субъектов, вовлеченных в такие действия, для последующего применения ответственности в соответствии с нормами международного права. Выдвинута идея разработки специализированного международного документа, нацеленного на комплексное регулирование особенностей применения искусственного интеллекта в вооруженных конфликтах. Полученные результаты имеют практическую значимость в предоставлении рекомендаций, направленных на учет этических аспектов и урегулирование вопросов ответственности, связанных с использованием искусственного интеллекта в контексте вооруженных конфликтов.

Ключевые слова: международное гуманитарное право, кибероперации, машинное обучение, цифровые технологии, вооруженный конфликт, международная безопасность.

Введение

В современном мире, где наблюдается возрастающая напряженность и быстрые технологические изменения, возникает необходимость как в понимании воздействия новых технологий на людей, которые оказались затронутыми вооруженными конфликтами, так и в разработке гуманитарных решений для защиты гражданского населения и сохранения функционирования гражданской инфраструктуры. Технический прогресс может положительно повлиять на защиту гражданских лиц во время вооруженных конфликтов: оружие может быть использовано более точно, военные решения могут быть лучше спланированы, а военные цели могут быть достигнуты без применения физической силы или физического разрушения. В то же время новые способы ведения войны и методы их применения могут создавать новые риски для боевиков и гражданского населения и могут вызывать сомнения относительно применимости и выполнения международного гуманитарного права (далее – МГП), которое фокусируется на формальном регулировании ведения войны, то есть на проблемах, возникающих после вопроса о субъективном праве прибегать к войне, а не на причинах, мотивах и целях вооруженного насилия. МГП устанавливает ограничения на средства и методы ведения войны, предусматривает обязанности государств и сторон вооруженного конфликта, а также основные гарантии, которыми следует руководствоваться при военных действиях, в первую очередь, те, которые направлены на защиту гражданских объектов в целом.

В своих публикациях Ж. Тлембаева подчеркивает, что различные страны вкладывают значительные ресурсы в создание новых типов оружия и других технологических разработок в области военной деятельности, включая применение цифровых технологий [1]. Цифровые технологии становятся основой для разработки новых методов и средств ведения войны, что может придать их обладателям значительное военное преимущество. Этот арсенал включает в себя передовые кибертехнологии, автономные вооруженные системы, искусственный интеллект, машинное обучение, а также способы осуществления военных действий в космическом пространстве [2]. Согласно взглядам С. Бозарова, для понимания новых реалий и факторов, определяющих противоборство в современном мире, требуются глубокие дискуссии, уточнения и развитие сущности и содержания стратегий военной деятельности [3]. По мнению А. Акай, концепция «гибридной» природы современной войны, объединяющей военные и невоенные «мягкие силы», становится особенно важной [4].

С точки зрения юридических аспектов, не должно возникать сомнений в применимости существующих принципов и норм международного гуманитарного права к новым видам оружия, методам и средствам ведения войны, включая те, которые базируются на информационных и телекоммуникационных технологиях [5]. По словам И. Сулейманова, государства, разрабатывающие или приобретающие новое оружие или военные технологии, обязаны гарантировать их использование в соответствии с нормами международного гуманитарного права [6].

А. Касымжанова акцентирует внимание на главной проблеме при использовании

полностью автономных вооруженных систем – это отсутствие международной правовой регламентации их применения [7]. Применение такого типа оружия может нарушать нормы международного гуманитарного права. В последние годы возможность регулирования использования полностью автономных систем вооружения обсуждается в рамках Конвенции 1980 года о запрещении или ограничении применения определенных видов обычного оружия, которые могут причинять чрезмерные повреждения или иметь неизбирательное действие (далее – КНО) [8]. Однако разработка и использование таких систем вызывают не только правовые, но и моральные и этические проблемы, что поднимает вопрос о необходимости ограничений на дальнейшее их применение без человеческого контроля. Недостаточность правового регулирования создает неопределенность в контексте применения норм международной ответственности.

Исходя из этого, цель работы состоит в изучении особенностей и ответственности применения технологий ИИ в вооруженных конфликтах в соответствии с нормами МГП.

Материалы и методы

Данное исследование было выполнено с помощью использования различных видов метода анализа. Метод функционального анализа был использован для определения системы искусственного интеллекта, выделения особенностей и характерных признаков по использованию в вооруженных конфликтах, рассмотрения основоположных принципов по применению. Метод логического анализа был внедрен для более детального рассмотрения аспекта использования искусственного интеллекта в вооруженных конфликтах, а именно для исследования вопроса об ответственности и выделения круга виновных лиц в данном противоправном деянии. Также указанный метод предоставил возможность провести анализ конкретных случаев по применению искусственного интеллекта в вооруженных конфликтах государств.

Формально-юридический метод был применен в исследовании для изучения конкретных норм законодательств национального и международного уровней. Так, среди национальных актов был осуществлен анализ Конституции Республики Казахстан (далее – РК) [11], Решения Конституционного совета Республики Казахстан от 5 ноября 2009 года №6 [12], Постановления Конституционного совета Республики Казахстан №3 от 2015 года [13], а среди актов международного права – Конвенция 1980 года о запрещении или ограничении применения определенных видов обычного оружия, которые могут причинять чрезмерные повреждения или иметь неизбирательное действие [8], Женевская конвенция и Дополнительные протоколы к ней [15]. Догматический метод был использован для изучения соответствующих статей Конституции РК, которые касаются правового статуса вооруженных сил, обороны страны, применения силы и общих принципов международного права, интерпретации конституционных норм, относящихся к использованию силы и применению вооруженных сил, сравнения норм Конституции РК с международным правом. Также указанный метод позволил детально исследования Решения и Постановления Конституционного совета в контексте толкования конституционных норм и их соответствия международному праву. Метод

юридической герменевтики предоставил возможность сформировать подход к толкованию и интерпретации правовых норм и текстов с целью понимания их смысла и применения в конкретных ситуациях исходя из закрепленных норм Женевской конвенции и Дополнительных протоколов к ней, а также для Конвенции 1980 года о запрещении или ограничении применения определенных видов обычного оружия, которые могут причинять чрезмерные повреждения или иметь неизбирательное действие. Это позволило тщательно изучить соответствующие положения, которые могут быть применимы к использованию искусственного интеллекта в вооруженных конфликтах, рассмотреть международные акты как часть общего системного правового порядка, определить цель и намерения, сформулировать выводы относительно соответствия использования искусственного интеллекта положениям конвенций. Указанные методы помогли более глубоко понять правовые основы и ограничения для использования искусственного интеллекта в вооруженных конфликтах, а также способствовали формированию аргументированных исследований и рекомендаций в данной области.

Метод дедукции предоставил возможность на основе выявленных характеристик проанализировать искусственный интеллект и его использование в вооруженных конфликтах. В свою очередь, метод индукции, исходя из рассмотренных аспектов международного права и принципов по применению, позволил выявить ключевые особенности указанного объекта исследования. Метод синтеза был применен для объединения полученных сведений в единое целое и сформировать рекомендации.

Результаты

Искусственный интеллект представляет собой использование компьютерных систем для решения задач, которые ранее требовали человеческого интеллекта, познания или рассуждения. Машинное обучение, в свою очередь, включает в себя системы искусственного интеллекта, которые используют большие объемы данных для развития своего функционирования и «обучения» на опыте. Поскольку это программные средства или алгоритмы, которые могут применяться к различным задачам, потенциальные последствия их военного использования могут быть значительными и еще не полностью поняты. В рамках применения норм МГП важным является исследование применения искусственного интеллекта и машинного обучения с целью разработки кибероружия или усиления военных кибервозможностей. Не все используемые киберсредства включают искусственный интеллект и машинное обучение. Однако ожидается, что эти технологии изменят характер как возможностей защиты от кибератак, так и возможностей для нападения.

К примеру, кибернетические средства с поддержкой искусственного интеллекта и машинного обучения могут автоматически обнаруживать уязвимости для использования или защиты от кибератак и одновременно автоматически выполнять контратаки [9]. Такие события могут увеличить масштаб и изменить характер нападений. Некоторые из таких систем даже могут быть охарактеризованы как «цифровое автономное оружие»,

что может вызвать вопросы о человеческом контроле, аналогичные тем, которые применяются к физическому автономному оружию. Следует обратить внимание на то, что военное использование автономных систем с точки зрения международного гуманитарного права не является незаконным, если соблюдаются правила применения оружия и целевого выбора.

Использование искусственного интеллекта и машинного обучения в цифровой сфере также может быть связано с проведением информационной войны. Это может включать создание и распространение ложной информации с целью дезинформации, а также онлайн-пропаганду в социальных сетях, что может усугубить напряженность и насилие вооруженных конфликтов. Не все технологии создания и распространения дезинформации связаны с искусственным интеллектом и машинным обучением. Однако при применении таких технологий вооруженными сторонами конфликта с использованием цифровых технологий могут измениться характер и масштаб манипулирования информацией и повлиять на потенциальные последствия, что может негативно сказаться на гражданском населении.

Системы, которые используют искусственный интеллект, широко применяются для создания поддельной информации в различных форматах, таких, как текст, аудио, фото или видео, которую становится все сложнее отличить от реальной и достоверной информации. Использование таких систем сторонами вооруженных конфликтов для усиления пропагандистских методов с целью манипулирования мнениями и влияния на принимаемые решения может иметь серьезные последствия [10]. При реализации механизмов цифровой дезинформации вооруженными сторонами могут нарушаться нормы международного гуманитарного права и увеличиваться уязвимость людей, затронутых вооруженными конфликтами. Гражданское население может столкнуться с необоснованными арестами, жестоким обращением, дискриминацией, отказом в доступе к основным услугам или покушениями на их личность и имущество. МГП не запрещает использование информационных технологий на основе искусственного интеллекта и машинного обучения, но оно строго запрещает акты насилия или угрозы насилия, направленные на распространение террора среди гражданского населения. Также стороны вооруженного конфликта не должны поощрять нарушения МГП и других правовых норм, включая международное право в области прав человека. На данный момент исследователями, экспертами и международными организациями активно обсуждается вопрос о правовом регулировании использования новых технологий в военных действиях. В этом контексте ведется разработка новой редакции Руководства Сан-Ремо по международному праву, применимому в вооруженных конфликтах на море (далее – Руководство). Необходимость обновления Руководства обусловлена, в частности, появлением новых технологий, таких, как кибероружие, которые могут быть эффективно использованы на морских театрах военных действий. Быстрое развитие военных возможностей в этой сфере требует также ясных обязательств со стороны государств по применению данных средств и методов с соблюдением норм МГП.

При анализе норм Конституции РК необходимо обратить особое внимание на те статьи, которые регулируют применение автономного оружия [11]. В частности, следует

обратить внимание на пункт 1 статьи 1 Конституции РК, который утверждает, что республика является демократическим, светским, правовым и социальным государством, где высшими ценностями признаются жизнь человека, его права и свободы. Это означает, что предоставление автономным системам права выбирать, кого уничтожить, а кого нет, является противозаконным и нарушает основные принципы Конституции. Также следует обратить внимание на статью 36 Конституции РК, которая обязывает граждан защищать Республику Казахстан. Это подразумевает, что оборона государства связана с национальными интересами и обязанностями каждого гражданина, и использование автономного оружия в данном контексте должно быть регулировано. В соответствии с пунктом 1 статьи 4 Конституции РК признаются международные договоры и обязательства, включая принципы международного гуманитарного права, которые гарантируют право на жизнь, физическую и психологическую неприкосновенность, уважение прав и убеждений человека. Запрещаются пытки, бесчеловечное наказание, нападение на гражданское население и гражданские объекты [11]. Поэтому использование автономного оружия, если оно будет считаться нарушающим эти принципы, будет противоречить как Конституции РК, так и международным соглашениям.

Международное гуманитарное право пока не имеет единообразного подхода к применению автономных систем оружия. Однако один из принципов международного гуманитарного права гласит, что запрещены недозволенные виды оружия и методы ведения войны, и, если автономное оружие будет признано таковым, РК также должна будет отказаться от его использования.

Конституция РК также подчеркивает уважение к принципам и нормам международного права и политику сотрудничества между странами [11]. Государство несет ответственность за определение вопросов обороны и территориальной целостности, что также подразумевает необходимость ответственного и законного регулирования применения автономных систем оружия.

Важно упомянуть о решении Конституционного совета Республики Казахстан от 5 ноября 2009 года №6, касающегося официального толкования нормы статьи 4 Конституции Республики Казахстан о приоритете ратифицированных международных договоров перед внутренними законами и их применения на решения международных организаций [12]. Следует отметить пункт 4 резолютивной части данного решения, где Конституционный совет РК устанавливает, что решения международных организаций, противоречащие конституционным правам и свободам человека и гражданина, не могут иметь приоритета перед внутренними нормативными актами Казахстана [12]. Это решение имеет важные правовые последствия, так как в случае признания использования автономного оружия законным и обоснованным, Республика Казахстан может отказаться от применения соответствующей нормы, если она будет считаться нарушающей права и свободы граждан.

Следующим важным документом для исследования является Постановление Конституционного совета РК №3 от 2015 года, которое проверяло соответствие законов, касающихся защиты детей от вредоносной информации, Конституции РК [13]. Современные методы ведения войны, включая информационные методы,

такие, как пропаганда и фейковые новости, представляют интерес для исследования, аналогично автономному оружию. В данном Постановлении Конституционный совет РК устанавливает значение нормы статьи 27 Конституции РК в контексте статьи 39, что позволяет государству ограничивать права человека в интересах защиты брака, семьи, материнства, отцовства и детства, вводя цензуру на материалы, которые могут нанести вред как моральный, так и психологический [13].

Исходя из вышеуказанного, законодательная база Казахстана в данной сфере постоянно совершенствуется. Но при этом весомой является проблема, связанная с финансированием сферы обороны. В связи с этим стоит рассмотреть расходы Казахстана на сферу военной обороны в целом в разрезе годов (Рисунок 1).

Рисунок 1. Расходы Казахстана на военную оборону в 2019-2022 гг., млрд долларов США
Примечание: составлено на основании данных [14].

Исходя из предоставленных данных, возможно сделать вывод о снижении финансирования данной области на 38%. Этот фактор при текущей обстановке угроз международной безопасности значительно негативно сказывается на национальной безопасности государства. При проведении анализа международной доктрины важно уделить внимание Конвенции о запрещении или ограничении применения определенных видов обычного оружия [8]. Основная цель этой Конвенции заключается в запрете или ограничении использования видов оружия, которые могут вызвать чрезмерные страдания для военнослужащих или неоправданно поражать гражданских лиц. Структурная ясность Конвенции позволяет ей быть адаптированной к новым технологиям, используемым в современных вооруженных конфликтах. Текст Конвенции

включает общие положения, такие, как правила присоединения, и предоставляет возможность для обсуждения и принятия новых протоколов. Протоколы к Конвенции содержат запреты и ограничения, применяемые к определенным видам оружия. Конвенция, состоящая из трех протоколов, была принята 10 октября 1980 года и открыта для подписания в течение одного года, начиная с 10 апреля 1981 года. Эта Конвенция была подписана 50 государствами и вступила в силу 2 декабря 1983 года. Три первоначальных протокола были названы: Протокол I о необнаруживаемых фрагментах; Протокол II о запрещении или ограничении применения мин, мин-ловушек и других устройств; Протокол III о запрещении или ограничении применения зажигательного оружия [8].

Иногда достаточно сложно выявить лицо, ответственное за совершение преступления, особенно если оно находится в удаленном географическом или структурном месте от места преступления. А если речь идет о преступлениях, которые, предположительно, могли быть совершены с использованием автономного оружия на основе искусственного интеллекта, тогда это становится еще более сложным. Статья 36 Дополнительного протокола I к Женевской конвенции 1949 года обязывает государства пересматривать законность намерений по развертыванию новых видов вооружения. Важно обеспечить возможность вооруженных сил государства выполнять боевые действия, не нарушая международных обязательств. Статья 36(2) Дополнительного протокола I предусматривает, что при разработке новых технологий вооружения, юристы и политики должны вносить соответствующие поправки в законы, чтобы обеспечить наказание за серьезные нарушения, согласно статье 49 Женевской конвенции I. Статья 49 Женевской конвенции I обязывает высокие договаривающиеся стороны ввести в действие законодательство, предусматривающее эффективные уголовные наказания для лиц, совершивших или приказавших совершить серьезные нарушения этой конвенции [15]. Она также предусматривает, что каждая высокая договаривающаяся сторона обязуется разыскивать лиц, обвиняемых в серьезных нарушениях, и передавать их своему суду или другой заинтересованной высокой договаривающейся стороне, если имеются доказательства обвинений.

Когда речь идет о полностью беспилотном автономном оружии на основе искусственного интеллекта, приказы, управляющие таким оружием, предварительно запрограммированы, что означает, что правовая ответственность за его действия должна быть возложена на систему, контролируемую искусственным интеллектом, а не на операторов. В данном случае целесообразно упомянуть, что разработчики оружия, программисты и производители также могут нести ответственность только в той степени, в которой они намеренно способствовали совершению преступления.

При использовании автономного оружия, особенно полностью автономного и управляемого искусственным интеллектом без вмешательства человека, отсутствуют эмпатия и суждения со стороны человека. Воздействие человека на системы вооружения или применение военной мощи должно соответствовать определенным правовым и этическим требованиям, как отмечалось в заявлении Международного Комитета Красного Креста на встрече экспертов по летальным автономным системам вооружения в Женеве относительно Конвенции о конкретных видах обычного оружия [4].

Беспилотные летательные аппараты (далее – БПЛА) выполняют три важные роли в военных приложениях. Во-первых, они осуществляют разведку и наблюдение. БПЛА способны пролетать на большие расстояния за вражескими линиями, предоставляя важную информацию для принятия стратегических решений и управления в крупномасштабных операциях. Они собирают высокоточную разведывательную информацию. Во-вторых, БПЛА могут использоваться для электронной помехи, проникновения в системы противодействия и нарушения связи и контроля у противника. В-третьих, БПЛА могут быть оборудованы оружием, что позволяет наносить точные удары по целям на земле и в воздухе, существенно повышая эффективность боевых операций. В одном из случаев БПЛА IAI Naqor атаковал гражданский автобус во время вооруженного конфликта между Арменией и Азербайджаном вблизи города Варденис на армянской границе в сентябре 2020 года [16]. Хотя IAI Naqor обладает полуавтономными возможностями, которые позволяют ему действовать автономно в определенных рамках, вопрос о том, был ли удар нанесен автономно или оператором, остается неразрешенным. В любом случае возможность автономных действий БПЛА не исключает способность системы атаковать и разрушать объекты самостоятельно.

Такие случаи нарушения международного гуманитарного права, когда гражданские объекты подвергаются атакам, нарушают принципы дифференциации между вооруженными комбатантами и некомбатантами. Международное гуманитарное право запрещает неизбирательные нападения и атаки на гражданских лиц, а также атаки на объекты двойного назначения, которые могут причинить излишний ущерб гражданскому населению.

Отсутствие конкретных норм в международном праве, регулирующих применение автономных систем вооружения (далее – АСВ) в вооруженных конфликтах и устанавливающих ответственность за их использование, создает необходимость в правовом регулировании этих систем и заполнении пробелов в праве. Один из возможных способов – разработка международного акта, обязывающего государства соблюдать определенные нормы при использовании АСВ. Также возможна добровольная инициатива компаний и лиц, которые отказываются от создания и использования автономных систем вооружения в целях обеспечения соблюдения международных норм гуманитарного права.

Обсуждение

Для того, чтобы применить нормы об ответственности, необходимо наличие двух элементов: действий или бездействия, нарушающих международное право соответствующего субъекта противоправного деяния.

Как пишет Х. Лю, Гаагские конвенции, Женевские конвенции и Дополнительные протоколы были приняты задолго до появления автономного оружия, не содержат специальных норм, регулирующих этот вид вооружения, государства-участники КНО провели три года обсуждений и согласились официально начать обсуждение правового регулирования автономного оружия, создав группу правительственных экспертов

[17]. Тем не менее, стоит добавить, что вопрос о том, должны ли участники этой Конвенции принимать меры в отношении автономных систем вооружения, остается неопределенным.

Следует отметить, что Международное гуманитарное право предусматривает появление таких ситуаций. Упомянутые выше договоры были заключены в терминах, которые могут применяться не только к существующему оружию, но и к новым методам войны. Х. Бенбья высказывает позицию, что в случаях, не урегулированных международным гуманитарным правом, гражданские лица и комбатанты все равно под защитой и действием принципов международного права, вытекающих из установившихся обычаев, принципов гуманности и требований общественного сознания [18]. Этот факт имеет особое значение в современных вооруженных конфликтах, где используется новое оружие, не урегулированное существующими договорами или обычным правом, таким, как автономные системы вооружения. По мнению С. Честермана, это предоставляет эффективный механизм для учета развития военной техники и превращает принципы гуманности и требования общественного сознания в юридически обязывающие критерии [19].

Как пишет Г. Саид, международные организации, государства и гражданское общество многократно обращались к оговорке Мартенса в случаях, касающихся новых видов оружия. Например, Международный Суд ООН в консультативном заключении относительно законности угрозы ядерным оружием или его применения подтвердил применимость оговорки Мартенса к ядерному оружию и подтвердил, что принципы и нормы гуманитарного права применяются к данному виду оружия, несмотря на его новизну [20].

Требование гуманного обращения является всеобъемлющей концепцией и ключевым компонентом международного гуманитарного права и прав человека. Несмотря на это, не существует универсального определения термина «гуманное обращение»; под ним понимается проявление уважения к человеческой жизни и достоинству личности.

А. Дикс отмечает, что подробные нормы международного гуманитарного права и прав человека обычно выражают значение гуманного обращения [21]. Стоит согласиться с данным утверждением, так как они регулируют особенности обращения с различными категориями лиц: ранеными, больными, пленными, перемещёнными лицами, женщинами, детьми, пожилыми и тяжело больными. Однако такие нормы не исчерпывают всего содержания гуманного обращения, так как его значение постоянно развивается под влиянием изменений в обществе.

Использование полностью автономного оружия ставит перед международным сообществом серьезные проблемы в соблюдении принципа гуманного обращения. Так, А. Харс пишет, что автономное оружие, не подчиняющееся контролю оператора, лишено эмпатии и способности субъективно оценивать ситуации [22]. В свою очередь С. Лонгпре утверждает, что только люди могут сознательно не соблюдать правила, которым они были обязаны следовать, и полагают, что роботизированное оружие будет соблюдать международное право лучше [23]. Однако такая позиция представляется неверной, так как ситуации, связанные с применением силы, часто бывают сложными и

непредсказуемыми. Полностью автономная система вооружения не способна полноценно интерпретировать нюансы человеческого поведения и социальных условий, что может привести к непредсказуемым последствиям во время вооруженных конфликтов.

Таким образом, применение полностью автономного оружия может нарушать принцип гуманного обращения и не соответствовать требованиям международного права. Множество представителей общественности и должностных лиц уже высказали свои опасения по поводу возможного использования такого оружия, поддерживая введение ограничений на его применение.

За последние несколько десятилетий характер вооруженных конфликтов изменился. Число международных войн уменьшилось и увеличилось число асимметричных конфликтов, которые включают сражения с организованными группами или между ними. Эти изменения делают более сложным отличия мирных некомбатантов от законных целей. В таких конфликтах стороны часто не носят форму или знаки отличия, как это принято в международных конфликтах с участием государственных вооруженных сил. Вместо этого участники пытаются скрыться среди гражданского населения, и их идентифицируют по поведению или участию в военных действиях. Это представляет особую проблему при рассмотрении применения автономных систем вооружения. Как пишет И. Классен, существует большая вероятность того, что полностью автономное оружие не сможет различать мирных людей от непосредственных участников боевых действий, особенно если последние не имеют внешних признаков идентификации [24]. Исходя из этого, возникает опасность, что автономное оружие может неправомерно атаковать некомбатантов, что противоречит принципам международного гуманитарного права.

Разграничение между мирным населением и участниками боевых действий может быть гораздо сложнее, чем может понимать машина. Э. Винтер высказывает позицию о том, что важными факторами являются эмоциональное состояние и намерения человека, что представляет сложности для автономных систем вооружения, которые оперируют на основе строго объективных принципов [25]. Стоит отметить, что принцип соразмерности, который запрещает атаки, причиняющие непропорциональный ущерб гражданскому населению, также оказывается сложным для программирования и автоматического применения в реальных условиях.

Э. Караяннис отмечает, что сторонники автономных систем утверждают, что разработки в области искусственного интеллекта и самообучения могут позволить оружию соблюдать принципы международного права, но эти возможности пока еще недостаточно разработаны и реализованы [26]. Кроме того, вопросы этики и соблюдения прав человека остаются актуальными, и их принятие должно оставаться в сфере человеческого суждения, особенно в незапланированных и сложных ситуациях на поле боя.

Таким образом, внедрение автономных систем вооружения подразумевает сложные этические и юридические вопросы, связанные с различением между законными и незаконными целями, а также с соблюдением принципа соразмерности. Относительно нынешнего уровня развития технологий, машины не обладают теми

характеристиками, которые могут гарантировать справедливость и правомерность их действий, как это может делать человек. Вышеперечисленное позволяет сделать вывод о том, что применение полностью автономных систем вооружения может нарушать нормы международного права. Неспособность такого оружия соблюдать принципы международного гуманитарного права и нормы прав человека подрывает правовую защиту и угрожает гражданским лицам во время вооруженного конфликта.

Для применения норм международной ответственности помимо самого противоправного деяния, требуется наличие субъекта, привлекаемого к ответственности. Вооруженный конфликт выполняет две функции: предотвращение будущего ущерба гражданскому населению и предоставление компенсации жертвам нападения. Однако при использовании полностью автономного оружия возникает вопрос о том, кого следует считать ответственным за причинение вреда. Возможные варианты включают государство, программистов, производителя, военных командиров и даже саму систему вооружения.

Ответственность вооруженного конфликта, связанная с автономными системами, является сложным и спорным вопросом. Наиболее распространенной точкой зрения является привлечение к ответственности лиц, отвечающих за программирование системы вооружения. Однако ответственность может зависеть от степени автономности системы. Если система способна обучаться на основе опыта и окружающей среды, то она может принимать решения, отличные от тех, которые предсказывают программисты, и в этом случае ответственность программистов может быть ограниченной.

Привлечение к ответственности производителей оружия также может оказаться неэффективным и несправедливым, так как оно требует гражданского иска, который может быть недоступен жертвам вооруженного конфликта. Кроме того, компании-производители оружия могут нести ответственность только за технические ошибки в производстве, а не за применение оружия в нарушение международного права.

В связи с этим, введение строго определенных ограничений на деятельность полностью автономных систем вооружения, регламентированных международным правом, представляется наиболее разумным решением для предотвращения негативных последствий и обеспечения соблюдения правил и принципов международного гуманитарного права.

Выводы

Данное исследование было проведено для определения этических особенностей и изучения аспекта ответственности в контексте использования искусственного интеллекта в вооруженных конфликтах в соответствии с международным гуманитарным правом. Были рассмотрены законодательные акты на национальном и международном уровне, которые регламентируют использование искусственного интеллекта в вооруженных конфликтах.

Так, был осуществлен анализ Конституции Республики Казахстан, Решения Конституционного совета Республики Казахстан №6, Постановления Конституционного

Совета №3 от 2015 года. Было отмечено, что данные акты имеют важные правовые последствия. Обусловлено это тем, что в случае признания использования автономного оружия законным и обоснованным, государство может отказаться от применения соответствующей нормы, если она будет считаться нарушающей права и свободы граждан.

Были исследованы нормы международных доктрин. В первую очередь, это Конвенция о запрещении или ограничении применения определенных видов обычного оружия, которые могут причинять чрезмерные повреждения или иметь неизбирательное действие. Было выделено, что основная цель Конвенции заключается в запрете или ограничении использования определенных видов оружия, которые могут причинить чрезмерные или неоправданные страдания военнослужащим или неизбирательно поражать гражданских лиц. Не менее важным является то, что указанный акт содержит четкую структуру, вследствие чего положения Конвенции могут быть адаптированы к условиям вооруженных конфликтов с использованием новейших технологий.

Основной проблемой в международном гуманитарном праве является определение виновного лица в вооруженном конфликте с использованием технологий искусственного интеллекта. Вследствие этого был осуществлен анализ Женевской конвенции и Дополнительных протоколов. Было отмечено, что при разработке новых технологий вооружения юристы и политики должны вносить соответствующие поправки в законы, чтобы обеспечить наказание за серьезные нарушения, высокие договаривающиеся стороны обязаны ввести в действие законодательство, предусматривающее эффективные уголовные наказания для лиц, совершивших или приказавших совершить серьезные нарушения этой конвенции. В данном случае не содержится четкой нормы касательно определения виновной стороны при использовании искусственного интеллекта. В связи с этим было предложено разработать отдельный международно-правовой акт, который будет регламентировать все особенности и определение виновной стороны в вооруженном конфликте такого рода.

Вклад авторов

Хасанай А.М. был осуществлен вклад в написание и в разработку концепции данной работы. Проведен сравнительный анализ международных правовых актов, актов Республики Казахстан и научной литературы по теме применения искусственного интеллекта в вооруженных конфликтах.

Абылайулы А. определил направление работы, обеспечивал координацию междисциплинарных аспектов исследования, а также осуществил сбор данных о текущем состоянии технологий, используемых в военных целях.

Список литературы

1. Тлембаева Ж.У. О некоторых подходах к правовому регулированию искусственного интеллекта // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики

Казахстан. - 2021. - № 2 (65). – URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-podhodaх-k-pravovomu-regulirovaniyu-iskusstvennogo-intellekta> (дата обращения: 03.07.2023)

2. Мун Г.А., Жумабай Р.А., Молдахан И., Байпакбаева С.Т., Витулёва Е.С., Копишев Э.Е. К вопросу о постиндустриальной парадигме развития инфокоммуникационного сегмента оборонно-промышленного комплекса РК // Известия научно-технического общества «КАХАК». – 2021. - № 2 (72)– URL: <http://www.ntokahak.kz/wp-content/uploads/2021/05/19.05.2021-kahak-172.pdf#page=29> (дата обращения: 03.07.2023)

3. Бозаров С.С. К вопросу об этических и правовых основах ответственности искусственного интеллекта // Журнал правовых исследований. – 2021. – Т 6. № 11.– URL: <https://tadqiqot.uz/index.php/law/article/view/3522> (дата обращения: 03.07.2023)

4. Акай А.К. Конституционные основы применения автономного оружия // Научные исследования XXI века. – 2020. – № 1. – С. 213-221.– URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42590726> (дата обращения: 03.07.2023)

5. Ахметов А.Т. Автономные системы оружия летального действия: необходимость превентивного запрета // Цифровой репозиторий Университета КазГЮУ – 2020. - № 1. – URL: <http://repository.kazguu.kz/handle/123456789/873> (дата обращения: 03.07.2023)

6. Сулейменов И.Э., Габриэлян О.А., Коньшин С.В., Бакиров А.С., Витулёва Е.С., Шалтыкова Д.Б. Феномен "стратегической разведки" в цифровом обществе: ноосферная транзитивность интеллектуальных систем безопасности // Ноосферные исследования. – 2021. – № 3. – С. 47-58.– URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-strategicheskoy-razvedki-v-tsifrovom-obschestve-noosfernaya-tranzitivnost-intellektualnyh-sistem-bezopasnosti> (дата обращения: 03.07.2023)

7. Касымжанова А.А., Тифин П., Турсынқұлова Д.А., Ибраев Н.С., Нусипова Л. Б. Политико-правовой анализ угроз национальной безопасности Республики Казахстан в условиях глобализации // Вестник КазНУ. Серия юридическая. – 2021. – № 2. – С. 14.– URL: <https://elibrary.kaznu.kz/wp-content/uploads/2023/02/vestnik-yuridicheskij-3-2021-dlya-sajta.pdf#page=14> (дата обращения: 03.07.2023)

8. Convention on Prohibitions or Restrictions on the Use of Certain Conventional Weapons Which May Be Deemed to be Excessively Injurious or to Have Indiscriminate Effects. - 1980.– URL: https://www.icrc.org/en/doc/assets/files/other/icrc_002_0811.pdf (дата обращения: 03.07.2023)

9. O'Sullivan S. et al. Legal, regulatory, and ethical frameworks for development of standards in artificial intelligence (AI) and autonomous robotic surgery // The international journal of medical robotics and computer assisted surgery. – 2019. – Vol. 15. – № 1. – p. 1968.– URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1002/rcs.1968> (дата обращения: 03.07.2023)

10. Gill A. S. Artificial intelligence and international security: the long view // Ethics & International Affairs. – 2019. – Vol. 33. – № 2. – P. 169-179. – URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/ethics-and-international-affairs/article/abs/artificial-intelligence-and-international-security-the-long-view/4AB181EAF648501422257934982A4DD5> (дата обращения: 03.07.2023)

11. Конституция Республики Казахстан. - 1995. https://www.akorda.kz/ru/official_documents/constitution (дата обращения: 03.07.2023)

12. Об официальном толковании норм статьи 4 Конституции Республики Казахстан применительно к порядку исполнения решений международных организаций и их органов. - 2009.– URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/S090000006_/links (дата обращения: 03.07.2023)

13. Об официальном толковании пункта 1 статьи 27 Конституции Республики Казахстан и о проверке на соответствие Конституции Республики Казахстан Закона Республики Казахстан «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и Закона Республики Казахстан "О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам защиты детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» - 2015. - №3.- URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/S1500000003/history> (дата обращения: 03.07.2023)
14. Казахстан сократил военные расходы почти в полтора раза за три года. - 2023. URL: <https://kz.kursiv.media/2023-04-25/dmny-voennye-rashody-kz/> (дата обращения: 03.07.2023)
15. Protocol additional to the Geneva conventions of August 12, 1949, concerning the protection of victims in international armed conflicts. - 1977.- URL: <https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/protocol-additional-geneva-conventions-12-august-1949-and> (дата обращения: 03.07.2023)
16. Rashid A. Nagorno-Karabakh conflict and role of major powers: an international law perspective // Margalla Papers. - 2021. - Vol. 25. - № 2. - P. 61-70.- URL: <https://margallapapers.ndu.edu.pk/site/article/view/73> (дата обращения: 03.07.2023)
17. Liu H. Y. et al. Artificial intelligence and legal disruption: a new model for analysis // Law, Innovation and Technology. - 2020. - Vol. 12. - № 2. - P. 205-258.- URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/17579961.2020.1815402> (дата обращения: 03.07.2023)
18. Benbya H., Davenport T. H., Pachidi S. Artificial intelligence in organizations: Current state and future opportunities // MIS Quarterly Executive. - 2020. - Vol. 19. - № 4.- URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3741983> (дата обращения: 03.07.2023)
19. Chesterman S. Artificial intelligence and the problem of autonomy // Notre Dame J. on Emerging Tech. - 2020. - Vol. 1. - p. 210.- URL: <https://heinonline.org/HOL/LandingPage?handle=hein.journals/ndjet1&div=11&id=&page> (дата обращения: 03.07.2023)
20. Said G., Azamat, K., Ravshan, S., Bokhadir, A. Adapting Legal Systems to the Development of Artificial Intelligence: Solving the Global Problem of AI in Judicial Processes // International Journal of Cyber Law. - 2023. - Vol. 1. - №. 4.- URL: <https://irshadjournals.com/index.php/ijcl/article/view/49> (дата обращения: 03.07.2023)
21. Deeks A., Lubell N., Murray D. Machine learning, artificial intelligence, and the use of force by states // J. Nat'l Sec. L. & Pol'y. - 2019. - Vol. 10. - p. 1. - URL: <https://heinonline.org/HOL/LandingPage?handle=hein.journals/jnatselp10&div=5&id=&page=> (дата обращения: 03.07.2023)
22. Hárs A. AI and international law—Legal personality and avenues for regulation // Hungarian Journal of Legal Studies. - 2022.- URL: <https://akjournals.com/view/journals/2052/62/4/article-p320.xml> (дата обращения: 03.07.2023).
23. Longpre S., Storm M., Shah R. Lethal autonomous weapons systems & artificial intelligence: Trends, challenges, and policies // Edited by Kevin McDermott. MIT Science Policy Review. - 2022. - Vol. 3. - P. 47-56.- URL: <https://sciencepolicyreview.org/wp-content/uploads/securepdfs/2022/08/MITSPR-v3-191618003019.pdf> (дата обращения: 03.07.2023).
24. Klassen I. Risking a New Blitzkrieg: Banning Artificial Intelligence in National Security // Regent UL Rev. - 2022. - Vol. 35. - p. 573.- URL: <https://heinonline.org/HOL/LandingPage?handle=hein.journals/regulr35&div=24&id=&page=> (дата обращения: 03.07.2023).

25. Winter E. The compatibility of autonomous weapons with the principles of international humanitarian law //Journal of Conflict and Security Law. – 2022. – Т. 27. – №. 1. – P. 1-20.– URL: <https://academic.oup.com/jcsl/article/27/1/1/6513626?login=false> (дата обращения: 03.07.2023).

26. Carayannis E. G., Draper J. Optimising peace through a Universal Global Peace Treaty to constrain the risk of war from a militarised artificial superintelligence //AI & society. – 2022. – P. 1-14.– URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s00146-021-01382-y> (дата обращения: 03.07.2023).

А.М. Хасанай¹, А. Абылайұлы²

^{1,2}«М.С. Нәрікбаев атындағы КАЗГЮУ Университеті» АҚ
(E-mail: ¹alikhhan.massatuly@gmail.com, ²a_abylaiuly@kazguu.kz)

Қарулы қақтығыстар жағдайындағы жасанды интеллектті қолдану мәнмәтініндегі жауапкершілік

Андатпа: Зерттеу жүргізудің өзектілігі әскери технологиялардың дамуына байланысты оларды пайдалану ұлттық және халықаралық қауіпсіздікке қауіп төндіреді, осыған байланысты халықаралық құқық нормаларын бұзу қаупі жоғары. Осыған сүйене отырып, мақаланың мақсаты қарулы қақтығыстар жағдайында жасанды интеллектті қолдану мәнмәтінінде заңнамалық доктринаға талдау жүргізу болып табылады. Ол үшін логикалық талдау, функционалдық талдау, дедукция, индукция, формальды-құқықтық, догматикалық және басқа сияқты әдістер қолданылды. Зерттеу барысында Конституцияның ережелеріне, Конституциялық соттың қаулылары мен шешімдеріне талдау жүргізуді қамтитын Қазақстанның заңнамалық доктринасы зерделенді. Сондай-ақ, қарудың белгілі бір түрлеріне тыйым салу туралы Конвенцияны, Женева конвенциясын және оның қосымша хаттамаларын қоса алғанда, қарулы қақтығыстардағы құқыққа қайшы әрекеттерді бағалау үшін халықаралық құқық қағидаттарын қолдануға және бұзушылықтарды анықтауға баса назар аударып, халықаралық нормативтік құқықтық актілерге талдау жүргізілді. Халықаралық құқық нормаларына сәйкес жауапкершілікті кейіннен қолдану үшін осындай әрекеттерге тартылған субъектілерді айқындауға ерекше назар аударылды. Қарулы қақтығыстарда жасанды интеллектті қолдану ерекшеліктерін кешенді реттеуге бағытталған мамандандырылған халықаралық құжатты әзірлеу идеясы ұсынылды. Алынған нәтижелер этикалық аспектілерді есепке алуға және қарулы қақтығыстар контекстінде жасанды интеллектті пайдалануға байланысты жауапкершілік мәселелерін шешуге бағытталған ұсыныстар беруде практикалық маңызға ие.

Түйін сөздер: халықаралық гуманитарлық құқық, кибероперациялар, Машиналық оқыту, цифрлық технологиялар, қарулы қақтығыс, халықаралық қауіпсіздік.

A. Khassanay¹, A. Abylaiuly²

^{1,2}*M. Narikbayev KAZGUU University*

(E-mail: ¹alikhhan.massatuly@gmail.com, ²a_abylaiuly@kazguu.kz)

Liability in the context of the application of artificial intelligence in armed conflicts

Abstract: The relevance of the study is determined by the fact that due to the development of military technologies, their use becomes a threat to national and international security, in connection with which there is a high risk of violating the norms of international law. Based on this, the purpose of the article is to analyze the legislative doctrine in the context of the application of artificial intelligence in armed conflicts. For this purpose, such methods as logical analysis, functional analysis, deduction, induction, formal-legal, dogmatic and others were used. During the study, the legislative doctrine of Kazakhstan was examined, which included conducting an analysis of the provisions of the Constitution, Regulations and decisions of the Constitutional Court. It also analyzed international legal acts, including the Convention on the Prohibition of Certain Weapons, the Geneva Convention and its Additional Protocols, with a focus on identifying violations and applying the principles of international law to assess unlawful acts in armed conflicts. Particular attention is paid to identifying the actors involved in such acts for the subsequent application of responsibility under international law. The idea of developing a specialized international instrument aimed at comprehensive regulation of the peculiarities of the use of artificial intelligence in armed conflicts is put forward. The results obtained have practical significance in providing recommendations aimed at considering ethical aspects and resolving liability issues related to the use of artificial intelligence in the context of armed conflicts.

Keywords: international humanitarian law, cyber operations, machine learning, digital technologies, armed conflict, international security.

References

1. Tlembaeva ZH.U. O nekotoryh podhodah k pravovomu regulirovaniyu iskusstvennogo intellekta [On some Approaches to Legal Regulation of Artificial Intelligence] Vestnik Instituta zakonodatel'stva i pravovoj informacii Respubliki Kazahstan [Bulletin of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan]. 2(65), (2021). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-podhodah-k-pravovomu-regulirovaniyu-iskusstvennogo-intellekta> [in Russian] (data obrashcheniya: 03.07.2023).
2. Mun G.A., Zhumabay R.A., Moldahan I., Bajpakbaeva S.T., Vitulyova E.S., Kopishev E.E. K voprosu o postindustrial'noj paradigme razvitiya infokommunikacionnogo segmenta oboronno-promyshlennogo kompleksa RK [Toward a post-industrial paradigm of development of the infocommunication segment of the defense-industrial complex of the Republic of Kazakhstan] Izvestiya nauchno-tehnicheskogo obshchestva «KAHAK» [Bulletin of the Scientific and Technical Society «KAHAK»]. 2(72), (2021). Available at: <http://www.ntokaxak.kz/wp-content/uploads/2021/05/19.05.2021-kaxak-172.pdf#page=29> [in Russian] (data obrashcheniya: 03.07.2023)
3. Bozarov S.S. K voprosu ob eticheskikh i pravovykh osnovah otvetstvennosti iskusstvennogo intellekta [Towards an Ethical and Legal Framework for the Responsibility of Artificial Intelligence] Zhurnal

pravovyh issledovaniy [Journal of legal studies]. 6(11), (2021). – Available at: <https://tadqiqot.uz/index.php/law/article/view/3522> [in Russian] (data obrashcheniya: 03.07.2023)

4. Akaj A.K. Konstitucionnye osnovy primeneniya avtonomnogo oruzhiya [Constitutional basis for the use of autonomous weapons] Nauchnye issledovaniya XXI veka [Scientific research of the XXI century] (2020, -№1, – pp. 213-221) Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42590726> [in Russian] (data obrashcheniya: 03.07.2023)

5. Ahmetov A.T. Avtonomnye sistemy oruzhiya letal'nogo dejstviya: neobhodimost' preventivnogo zapreta [Autonomous lethal weapon systems: the necessity of a preventive prohibition] Cifrovoy repozitorij Universiteta KazGYUU [Digital Repository of KazGUU University] (2020, - № 1) Available at: <http://repository.kazguu.kz/handle/123456789/873> [in Russian] (data obrashcheniya: 03.07.2023)

6. Sulejmenov I.E., Gabrielyan O.A., Kon'shin S.V., Bakirov A.S., Vitulyova E.S., SHaltykova D.B. Fenomen "strategicheskoy razvedki" v cifrovom obshchestve: noosfernaya tranzitivnost' intellektual'nyh sistem bezopasnosti [The Phenomenon of "Strategic Intelligence" in the Digital Society: Noospheric Transitivity of Intelligent Security Systems] Noosfernye issledovaniya [Noospheric research] (2021, – №3. – pp. 47-58) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-strategicheskoy-razvedki-v-tsifrovom-obshchestve-noosfernaya-tranzitivnost-intellektualnyh-sistem-bezopasnosti> [in Russian] (data obrashcheniya: 03.07.2023)

7. Kasymzhanova A.A., Tifin P., Tursynkulova D.A., Ibraev N.S., Nusipova L. B. Politiko-pravovoy analiz ugroz nacional'noj bezopasnosti Respubliki Kazahstan v usloviyah globalizacii [Political and legal analysis of threats to national security of the Republic of Kazakhstan in the context of globalization] Vestnik KazNU. Seriya yuridicheskaya. [Bulletin of the KazNU. Law series] (2021, – № 2, – pp. 14-25) Available at: <https://elibrary.kaznu.kz/wp-content/uploads/2023/02/vestnik-yuridicheskij-3-2021-dlya-sajta.pdf#page=14> [in Russian] (data obrashcheniya: 03.07.2023)

8. Convention on Prohibitions or Restrictions on the Use of Certain Conventional Weapons Which May Be Deemed to be Excessively Injurious or to Have Indiscriminate Effects. - 1980. - Available at: https://www.icrc.org/en/doc/assets/files/other/icrc_002_0811.pdf (data obrashcheniya: 03.07.2023)

9. O'Sullivan S. et al. Legal, regulatory, and ethical frameworks for development of standards in artificial intelligence (AI) and autonomous robotic surgery // The international journal of medical robotics and computer assisted surgery. - 2019. – Vol. 15. – № 1. – p. e1968. - Available at: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1002/rcs.1968> (data obrashcheniya: 03.07.2023)

10. Gill A. S. Artificial intelligence and international security: the long view // Ethics & International Affairs. – 2019. - Vol. 33. - № 2, – P. 169-179. - Available at: <https://www.cambridge.org/core/journals/ethics-and-international-affairs/article/abs/artificial-intelligence-and-international-security-the-long-view/4AB181EAF648501422257934982A4DD5> (data obrashcheniya: 03.07.2023)

11. Konstituciya Respubliki Kazahstan [Constitution of the Republic of Kazakhstan] (1995). Available at: https://www.akorda.kz/ru/official_documents/constitution [in Russian] (data obrashcheniya: 03.07.2023)

12. Ob oficial'nom tolkovanii norm stati 4 Konstitucii Respubliki Kazahstan primenitel'no k poryadku ispolneniya reshenij mezhdunarodnyh organizacij i ih organov [On the official interpretation of the provisions of article 4 of the Constitution of the Republic of Kazakhstan with regard to the procedure for the execution of decisions of international organizations and their bodies] (2009). Available at: https://adilet.zan.kz/rus/docs/S090000006_/links [in Russian] (data obrashcheniya: 03.07.2023)

13. Ob oficial'nom tolkovanii punkta 1 stat'i 27 Konstitucii Respubliki Kazahstan i o proverke na sootvetstvie Konstitucii Respubliki Kazahstan Zakona Respubliki Kazahstan «O zashchite detej ot

informacii, prichinyayushchej vred ih zdorov'yu i razvitiyu» i Zakona Respubliki Kazahstan «O vnesenii izmenenij i dopolnenij v nekotorye zakonodatel'nye akty Respubliki Kazahstan po voprosam zashchity detej ot informacii, prichinyayushchej vred ih zdorov'yu i razvitiyu» [On the official interpretation of paragraph 1 of article 27 of the Constitution of the Republic of Kazakhstan and on the verification of the conformity with the Constitution of the Republic of Kazakhstan of the Law of the Republic of Kazakhstan «On the protection of children from information harmful to their health and development» and the Law of the Republic of Kazakhstan «On introducing amendments and additions to some legislative acts of the Republic of Kazakhstan on the protection of children from information harmful to their health and development»] (2015, - № 3). Available at: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/S1500000003/history> [in Russian] (data obrashcheniya: 03.07.2023)

14. Kazakhstan sokratil voennye raskhody pochti v poltora raza za tri goda [Kazakhstan has reduced its military spending by one and a half times in three years] [Electronic resource]. (2023). Available at: <https://kz.kursiv.media/2023-04-25/dmnv-voennye-rashody-kz/> [in Russian] (data obrashcheniya: 03.07.2023)

15. Protocol additional to the Geneva conventions of August 12, 1949, concerning the protection of victims in international armed conflicts. - 1977. - Available at: <https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/protocol-additional-geneva-conventions-12-august-1949-and> (data obrashcheniya: 03.07.2023)

16. Rashid A. Nagorno-Karabakh conflict and role of major powers: an international law perspective // Margalla Papers. – 2021. Vol. 25. - № 2, – P. 61-70). - Available at: <https://margallapapers.ndu.edu.pk/site/article/view/73> (data obrashcheniya: 03.07.2023)

17. Liu H. Y. et al. Artificial intelligence and legal disruption: a new model for analysis // Law, Innovation and Technology. – 2020. Vol. 12. - № 2. – P. 205-258. - Available at: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/17579961.2020.1815402> (data obrashcheniya: 03.07.2023)

18. Benbya H., Davenport T. H., Pachidi S. Artificial intelligence in organizations: Current state and future opportunities // MIS Quarterly Executive. – 2020. – Vol. 19. – № 4. - Available at: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3741983> (data obrashcheniya: 03.07.2023)

19. Chesterman S. Artificial intelligence and the problem of autonomy // Notre Dame J. on Emerging Tech. – 2020. – Vol. 1. – p. 210. [Electronic resource]. - Available at: <https://heinonline.org/HOL/LandingPage?handle=hein.journals/ndjet1&div=11&id=&page=> (data obrashcheniya: 03.07.2023).

20. Said G., Azamat, K., Ravshan, S., Bokhadir, A. Adapting Legal Systems to the Development of Artificial Intelligence: Solving the Global Problem of AI in Judicial Processes // International Journal of Cyber Law. – 2023. – Vol. 1. – № 4. - Available at: <https://irshadjournals.com/index.php/ijcl/article/view/49> (data obrashcheniya: 03.07.2023).

21. Deeks A., Lubell N., Murray D. Machine learning, artificial intelligence, and the use of force by states // J. Nat'l Sec. L. & Pol'y. – 2019. – Vol. 10. – p. 1. - Available at: <https://heinonline.org/HOL/LandingPage?handle=hein.journals/jnatselp10&div=5&id=&page=> (data obrashcheniya: 03.07.2023).

22. Hárs A. AI and international law—Legal personality and avenues for regulation // Hungarian Journal of Legal Studies. – 2022. - Available at: <https://akjournals.com/view/journals/2052/62/4/article-p320.xml> (data obrashcheniya: 03.07.2023).

23. Longpre S., Storm M., Shah R. Lethal autonomous weapons systems & artificial intelligence: Trends, challenges, and policies // Edited by Kevin McDermott. MIT Science Policy Review. – 2022. – Vol. 3. – P. 47-56. - Available at: <https://sciencepolicyreview.org/wp-content/uploads/securepdfs/2022/08/MITSPR-v3-191618003019.pdf> (data obrashcheniya: 03.07.2023).

24. Klassen I. Risking a New Blitzkrieg: Banning Artificial Intelligence in National Security // Regent UL Rev. – 2022. – Vol. 35. – p. 573. - Available at: <https://heinonline.org/HOL/LandingPage?handle=hein.journals/regulr35&div=24&id=&page=> (data obrashcheniya: 03.07.2023).

25. Winter E. The compatibility of autonomous weapons with the principles of international humanitarian law // Journal of Conflict and Security Law. – 2022. – Т. 27. – №. 1. – P. 1-20. [- Available at: <https://academic.oup.com/jcsl/article/27/1/1/6513626?login=false> (data obrashcheniya: 03.07.2023).

26. Carayannis E. G., Draper J. Optimising peace through a Universal Global Peace Treaty to constrain the risk of war from a militarised artificial superintelligence // AI & society. – 2022. – P. 1-14. – Available at: <https://link.springer.com/article/10.1007/s00146-021-01382-y> (data obrashcheniya: 03.07.2023).

Сведения об авторах:

Хасанай А.М. – хат-хабар үшін автор, заң ғылымдарының магистрі, Құқық жоғары мектебінің докторанты, «М.С. Нәрікбаев атындағы КАЗГЮУ Университеті» АҚ, Астана, Қорғалжын тас жолы, 8, 010000, Астана, Қазақстан.

Абылайұлы А. – PhD (Халықаралық құқық), Assistant Professor, М.С. Нәрікбаев атындағы КАЗГЮУ Университеті, Жоғары құқық мектебінің "халықаралық құқық" білім беру бағдарламасының жетекшісі, Қорғалжын тас жолы, 8, 010000, Астана, Қазақстан.

Хасанай А.М. – автор для корреспонденции, магистр юридических наук, докторант Высшей школы права, АО Университет «КАЗГЮУ имени М.С. Нарикбаева», шоссе Коргалжын, 8, 010000, Астана, Казахстан.

Абылайұлы А. – PhD (Международное право), ассоциированный профессор, руководитель образовательной программы «Международное право» Высшей школы права КАЗГЮУ имени М.С. Нарикбаева, шоссе Коргалжын, 8, 010000, Астана, Казахстан.

Khassanay A. – corresponding author, Master of Laws, PhD student of Higher School of Law, M.S. Narikbayev KAZGUU University, 8 Highway Korgalzhyn, 010000, Astana, Kazakhstan.

Abylaiuly A. – PhD in International Law, Assistant professor, Head of the educational programme 'International Law' of the Higher School of Law of M.S. Narikbayev KAZGUU University, 8 Highway Korgalzhyn, 010000, Astana, Kazakhstan.

Copyright: © 2024 by the authors. Submitted for possible open access publication under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY NC) license (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>).